

Артём Сивокоць

Невель: Лавка
Кошмаров

18+

Артём Сивоконь

Невель: Лавка Кошмаров

<https://litres.ru/74064478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дверь всегда приоткрыта. На толщину ладони. Достаточно, чтобы впустить того, кто промок, и отсечь зевак.

Меня зовут Морок. Я продаю сны. Вернее — вход в чужие.

Люди думают, что сон — убежище. Как мило. Сон — это бойня без правил. Чтобы войти, нужна маска. Вы её не выбираете. Она — вас. Один раз. До конца. Или пока кто-то не перережет вам горло во сне — тогда, увы, и наяву.

Плата — ваш самый мерзкий кошмар. Монеты я не беру. Что я, лавочник?

Но иногда колокольчик вскрикивает иначе. Явилась она. Девушка без прошлого. Ледяной взгляд, пепельные волосы, металл, кожа, секреты. Пришла «просто забрать товар». О да, конечно. Только Вороний Кошмар не выбирает дураков. И мне, признаться, ужасно интересно, как быстро её имя окажется в некрологах.

Заходите. Снимайте перчатки. Не бойтесь запаха миндаля.

Ну что — готовы отправиться в кошмары?

Содержание

Глава 1. Мороковы Кошмары	4
Глава 2. Погружение в Кошмар	13
Глава 3. Нити	27
Глава 4. Случайности	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Артём Сивоконь

Невель: Лавка Кошмаров

Глава 1. Мороковы Кошмары

В старом городе Невель дождь лил уже который день, и казалось, само небо устало от этой серой воды. Капли стучали по черепичным крышам монотонно, как метроном, отмечающий время мертвецов. На пустых улицах этот звук был единственным живым существом — если не считать редко-го цоканья каблуков по мокрой мостовой. Звук отражался от каменных стен, множился переулками и возвращался откуда-то сверху, будто сам город вторил шагам невидимого прохожего. Узкие улицы Невеля превращались в лабиринт, из которого не было выхода. Высокие дома в стиле северного модерна нависали над головой, их неоготические шпили терялись в тумане, который здесь называли «Плачем Невесты». Дворы-колодцы, один за другим, сжимали пространство, пока свет газовых фонарей не начинал дрожать и гаснуть. Этот свет был синим, болезненным — он не разгонял тьму, а лишь подчёркивал её глубину, делал её плотнее, ближе. Воздух в этих переулках был густым, маслянистым. Он не впускал в себя — он обволакивал, проникал под одежду, оседал на коже холодной испариной. Пахло мокрой известью

и йодом, как в старой больнице, где давно не было пациентов. Где-то далеко несло карболкой, а ближе — сырой землёй, прелыми листьями и едва уловимым горьким миндалём. Этот запах цеплялся к одежде, въедался в волосы, заставляя чувствовать себя так, будто город медленно, неторопливо пытается тебя переварить. Именно там, где фонари уже не горели, а лишь тлели последним синим вздохом, располагался тот самый магазин. Дом стоял особняком, будто вырос из мостовой за одну ночь — или за много ночей, одна темнее другой. Его архитектура была неправильной, давящей: крыша с крутыми скатами уходила в темноту, украшенная ржавыми флюгерами в форме вороньих силуэтов. Когда ветер дул с болот, флюгеры скрипели — не металлически, а гортанно, по-птичьи. Окна были узкими, как бойницы, и ни в одном из них не горел свет — лишь мертвенно-синее отражение тумана. Стены, сложенные из тёмного камня, казались влажными даже в сухую погоду, а мох и плесень ползли по ним, как живые, как вены. Над входом висела деревянная табличка, потемневшая от времени и дождей. Буквы были вырезаны глубоко, с нажимом — так режут не по дереву, а по памяти: «А. Морокъ и Ко. Кошмары на заказъ». Под табличкой — дверь. Старая, дубовая, с глубокими трещинами, будто пережившая пожар и потоп. И эта дверь всегда была приоткрыта ровно на толщину ладони. Всегда. Как приглашение. Или как ловушка, которая научилась терпению. Из щели тянуло холодом и запахом старой бумаги, воска и че-

го-то ещё — тягучего, сладковатого, как засохшая кровь на старом бинте. По мостовой раздались шаги. Ровные, уверенные, с металлическим цоканьем набоек. Звук не торопился — он отмерял расстояние спокойно, как человек, который пришёл ровно туда, куда хотел. Женщина остановилась перед дверью. На ней был тяжёлый тёмно-серый плащ, почти чёрный, с восковым покрытием, отталкивающим воду. Высокий воротник скрывал шею, капюшон откинут назад — она не прятала лица. Под плащом — чёрный приталенный кафтан с жёстким воротником-стойкой, металлические накладки на плечах с гравировкой полустёртых рун. Пепельные волосы были убраны в строгий пучок, ни одной выбившейся пряди. Ни одной слабости. Она подняла руку в тонкой чёрной перчатке. Пальцы коснулись дерева — без стука, без колебания. Дверь подалась с протяжным, тягучим скрипом, будто стонала от боли, будто не хотела впускать. И тут же раздался звон — нет, не звон. Короткий, резкий вскрик, как у раненой птицы, как у человека, который проснулся от кошмара и осёкся на полуслове. Колокольчик над дверью качнулся и замер. Женщина переступила порог. Внутри царил полумрак, разбавленный лишь синим дрожащим светом газовых ламп. Свет не лежал на предметах — он скользил по ним, не задерживаясь, будто боялся что-то потревожить. Магазин был узким, длинным, без единого окна. Стеллажи уходили в потолок, заполненные странными футлярами — кожаными, металлическими, обитыми бархатом. Некоторые висели на

цепях, другие были запечатаны сургучом с оттиском спирали. И некоторые — некоторые дышали. Едва заметно, но их стенки поднимались и опускались, как грудь спящего. Другие вибрировали, издавая низкий, почти неслышимый гул — звук, который чувствуешь не ушами, а зубами. За прилавком, покрытым тёмным бархатом с вставкой потёртого кружева, стоял мужчина. Возраст его было невозможно определить — не стар и не молод, застывший между, как стрелка сломанных часов. Черты лица сухие, резкие, будто вырезаны из светлого дерева. Кожа бледная, без румянца — кожа человека, который не видел солнца годами. Или никогда. На нём был жилет из выцветшего бархата, цвет которого когда-то был бордовым, а теперь напоминал запёкшуюся кровь. Под жилетом — рубашка с высоким воротником, желтоватая от старости, но безупречно чистая. Рукава закатаны до локтей, открывая тонкие предплечья. На левом запястье — тонкая цепочка, уходящая под манжету, туда, где не видно. Очки в тонкой металлической оправе сидели на переносице. Левая линза была треснута — паутина шла от края к центру, разбивая его светлые, почти бесцветные глаза на осколки. Взгляд его был прямым, немигающим, и когда он смотрел — казалось, что видит не тебя, а твой сон. И твой следующий сон. И тот, который ты хотел бы забыть. — Очень знойный вечер для столь любезной дамы, — произнёс он. Голос его был как сухая соль — ровный, без интонаций, с паузами в неожиданных местах. Слова падали медленно, как капли гу-

стого масла. — Прощу, проходите. Анна молча прошла вперёд. Её движения были скупыми, точными — ничего лишнего, ни одного пустого, бесполезного жеста. Она остановилась у прилавка, достала из кармана плаща горсть монет и бросила их на бархат. Монеты звякнули глухо, будто упали не на дерево, а на что-то мягкое, и замерли — не покатались, не закружились, а просто легли, как ложатся вещи в могилу. — За беспокойство, — сказала Анна. Голос её был ровным, холодным, без тени любезности. — Вряд ли ты открываешь магазин в такой час для праздных зевак. Морок опустил взгляд на монеты. Его тонкие губы — с чуть опущенными уголками — дрогнули. Он не притронулся к деньгам. Он смотрел на них так, как смотрят на вещь, которая лежит не на своём месте. Затем поднял глаза на Анну, и в треснутой линзе что-то блеснуло — не свет, а скорее его отсутствие. — О, — произнёс он почти шёпотом, — вы очень любезны. — Пауза. — И очень проницательны. Я вижу, вы знаете цену вещам. Но здесь, смею заметить, платят не монетами. Он замолчал, позволив тишине заполнить пространство между ними. Тишина здесь была гуще, чем воздух снаружи. — Позвольте представиться, — продолжил он, чуть наклонив голову. Движение было медленным, как у птицы, которая заметила что-то в траве. — Меня зовут Морок. И я продаю очень необычный товар. Анна подняла на него взгляд. Её ярко-голубые глаза — слишком яркие для такого бледного лица, слишком живые для этого мёртвого света — смотрели в

упор, не отводя. В них не было страха. В них был лёд. И подо льдом — что-то ещё, что-то, чего Морок не мог разглядеть, и это ему не нравилось.— Хватит любезностей, — сказала она. — Мы оба знаем, для чего я тут. Давай свой товар. Морок не моргнул. Улыбка растянулась медленно, одним углом рта, как трещина по сухому камню.— Я обязан вас предупредить, — произнёс он, и пауза повисла в воздухе, тяжёлая, как дождь за дверью. — Маски кошмаров выбирают себе носителя. Один раз. На всю его жизнь. Он замолчал, будто смакуя слова. Где-то в глубине магазина один из футляров вздохнул — долгим, протяжным вздохом, полным тоски.— Смею добавить: когда вы окунётесь в великолепный мир кошмаров, вам нужно знать правило. — Он наклонился чуть вперёд, и синий свет скользнул по его лицу, сделав его на мгновение старше. — Если во сне вы погибнете — в реальной жизни, увы, тоже. Анна не шелохнулась. Её спина оставалась прямой, плечи — развёрнутыми. Морок засмеялся — тихо-тихо, почти беззвучно, стараясь не выдавать смех. Звук этот был как шорох сухих листьев в пустой комнате, как мышьяная возня под половицами.— Если сон обрывается, — продолжил он, отсмеявшись, — вы сможете выбраться из него. Чаще всего. Можно при этом потерять рассудок, но это уже детали. Мелочи. Пыль на подоконнике.— Я знаю правила, — сказала Анна. — Я пришла забрать свой товар. Морок кивнул — медленно, с той же задержкой, будто воздух вокруг него был гуще обычного, будто он двигал-

ся в воде.— Конечно, конечно. — Он вальяжно обошёл прилавок, его движения были плавными, но какими-то неправильными, как у отражения в мутном зеркале. — Смею предупредить вас: бывают во снах и другие пользователи этого магазина. Прошу вас, будьте осторожнее. Не хотел бы видеть вашу красоту в некрологах жёлтых газетёнок. Там, знаете ли, совершенно безвкусные рамки. Анна нахмурилась. Это было первое изменение на её лице с момента входа.— Веди, — сказала она. Морок жестом пригласил её следовать за ним. Они прошли через узкую дверь, скрытую в тени, и оказались в другой комнате. Здесь было ещё темнее. Стеллажи заполняли всё пространство от пола до потолка, и на них — маски. Сотни масок. Они выглядели по-разному: одни были гладкими, как фарфор, другие — шершавыми, как кора мёртвого дерева. Некоторые были украшены перьями, другие — рогами или шипами. Были маски белые, как кость, и чёрные, как беззвёздная ночь. Были маски с закрытыми глазами и маски, у которых глаза были открыты — стеклянные, мёртвые, но следящие. Следящие именно за ней. Воздух здесь был другим. Тягучим, маслянистым. Пахло пылью — вековой, нетронутой, той, что копилась задолго до рождения города. Чем-то матрасным, старым — как будто здесь хранились вещи, которые давно должны были быть похоронены. И ещё чем-то сладковатым, гниющим — запахом засохших цветов на могиле, запахом воска, которым капали на письма, которых никто не прочтёт. Анна остановилась посреди комнаты.

Её взгляд скользил по полкам — оценивающий, ледяной, ничего не упускающий. — Как я пойму, какая маска моя? — спросила она. Морок стоял рядом, его треснутая линза ловила синий свет лампы, разбивая его на осколки. — Об этом не беспокойтесь, — ответил он тихо, почти ласково. — Вы сразу это поймёте. И в этот момент взгляд Анны поднялся. Вверх. На самую верхнюю полку, туда, где тени сгущались в нечто почти твёрдое. Морок проследил за её взглядом и кивнул — медленно, удовлетворённо. — Вот вы и поняли, какая ваша. Очень хорошо. Он подошёл к углу, где стояла старая деревянная лестница — на три колена, потемневшая от времени, с перекладинами, стёртыми чужими шагами. Когда Морок ступил на первую ступень, лестница изогнулась под его весом, закрипела, будто сейчас сломается. Но он поднялся выше — медленно, с той же задержкой в движениях, как во сне, где воздух плотнее воды, — и потянулся к верхней полке. Его длинные, тонкие пальцы с выступающими суставами коснулись футляра. Он достал его бережно, почти с благоговением, как достают не вещь, а память о мёртвом, и спустился вниз. Футляр был чёрным, кожаным, запечатанным тёмным сургучом. Морок сломал печать одним движением — резким, неожиданно быстрым для его медленных рук — и открыл крышку. Внутри лежала маска. Чёрная. Сделанная будто из перьев — тысячи мелких, блестящих, воронова крыла. Перья не лежали неподвижно — они едва заметно шевелились, как от дыхания, как от ветра, которого в

комнате не было. И клюв — острый, хищный, изогнутый, как у ворона, который слишком долго ждал. Маска была пугающей и прекрасной одновременно, в ней было что-то древнее, дикое, что-то, что помнило времена, когда сны ещё не отделились от яви. — Маска Вороньих Кошмаров, — произнёс Морок ласково, с трепетом в голосе, с тем особым теплом, каким говорят о старых друзьях, которых давно нет. — Очень особенная. Анна смотрела на маску. Её голубые глаза чуть сузились. — Вороньих? — переспросила она. Голос её не дрогнул, но что-то в нём изменилось — не страх, а узнавание. — Да, да, — кивнул Морок, и его треснувшая линза блеснула синим. — Вы сможете расправить крылья, обуздав кошмар в своих цепких лапах. Он замолчал, изучая её лицо. Тишина тянулась, как патока. — С вашими глазами она будет выглядеть очень красиво, — добавил он почти шёпотом. — Ну что, вы готовы обуздать кошмар? Тишина повисла в комнате, густая, как масло. Где-то на стеллажах одна из масок вздрогнула. Другая издала низкий, вибрирующий гул, который почувствовался где-то в груди. А Анна стояла неподвижно, глядя на чёрные перья и хищный клюв, который ждал её. Ждал давно.

Глава 2. Погружение в Кошмар

Анна взяла футляр в руки. Чёрная кожа была холодной на ощупь, сухой, несмотря на вечную сырость Невеля. Она не стала открывать его снова — хватило одного взгляда там, в магазине. Вороньи перья. Клюв. Что-то, что смотрело на неё изнутри.

Морок проводил её до двери. Движения его были всё те же - плавные, с задержкой, будто он проходил сквозь воду, а не через воздух.

— Дорогая, - произнёс он ей в спину, и голос его был как сухая соль, - если всё же останутся вопросы - приходите. Я вам ещё раз всё подробно расскажу. Тем более так редко удаётся увидеть столь приятную особу дважды.

Анна обернулась. Ледяной взгляд. Ни слова.

Морок проводил её молчаливой, едва заметной усмешкой - одними уголками губ.

Анна фыркнула и закрыла за собой дверь. Колокольчик над головой вскрикнул - коротко, оборванно, как человек, проснувшийся от кошмара и осёкшийся на полуслове.

Дорога до особняка занимала немало времени, особенно когда погода стояла совсем хмурая. А она стояла. Дождь не прекращался - он просто менял форму. То морось, то ливень, то снова морось. Мостовые блестели в синем свете фонарей. Прохожих не было - только тени от водосточных труб,

только пар из решёток подземных цехов.

Анна шла быстро, но не бежала. Футляр она держала под плащом, прижимая к боку. Тяжёлый. Не физически - по-другому.

Особняк показался из-за поворота внезапно, как всегда. Он стоял на небольшом возвышении, втиснутый между двумя доходными домами, но не подавленный ими - обособленный. Три этажа тёмного кирпича. Высокие окна. Кованая решётка балкона с узором из спиралей - почти как на её накладках.

Она поднялась на крыльцо. Ключ повернулся в замке с глухим, хорошо смазанным щелчком. Дверь открылась без скрипа. Анна вошла внутрь и закрыла за собой город.

В доме пахло кофе и сушёными травами. Где-то в глубине, на кухне, ещё теплилась лампа - экономка ушла час назад, но оставила свет. И запах. Кофе был сварен на плитке, в старой медной турке - Анна узнала бы этот аромат из тысячи. К нему примешивался сухой шалфей, развешенный пучками под потолком, и что-то ещё - воск, старая бумага, лаванда в мешочках у лестницы.

Дом был тёплым. Не жарким, а именно тёплым - так, как бывает только в старых домах, где стены помнят тепло десятков зим. Полы из тёмного дерева, прихожая с вешалкой у двери, ковёр с вытертым узором у лестницы.

Лестница.

Винтовая, кованая, с чугунными перилами, она уходила

вверх, на второй этаж, закручиваясь спиралью. Ступени были узкими, стёртыми посередине. Анна поднималась по ним каждый день и каждый раз слышала один и тот же звук - глухой, ритмичный гул шагов по металлу.

Сегодня этот гул звучал иначе. Как будто шаги были не одни.

Она не обернулась.

Комната на втором этаже. Дверь была приоткрыта. Из щели тянуло холодом и сыростью.

Окно она забыла закрыть утром. Или не забыла - оставила специально. Теперь тюль извивалась под ветром, как живая, как нечто, что пыталось выбраться наружу или, наоборот, проникнуть внутрь. Воздух в комнате был влажным, почти осязаемым. Дождь не заливал подоконник - ветер дул в другую сторону, - но запах его был здесь: сырой камень, мокрый металл, йод.

Анна прошла к столу и бросила футляр рядом с печатной машинкой. Та звякнула - тихо, как потревоженный зверь. Затем она скинула плащ, кафтан, накладки. Всё это легло на стул грудой металла и кожи.

— Как я долго искала этот проклятый магазин, - пробормотала она.

Голос прозвучал глухо в пустой комнате. Тюль дёрнулась.

Она надела пижаму - простую, без кружев, из тёмного шёлка. Села на кровать. Взяла футляр в руки. Открыла.

Маска смотрела на неё. Перья - чёрные, с синим отливом,

- едва заметно шевелились. Не от сквозняка.

— Что же в тебе такого особенного? - прошептала Анна.

Она коснулась маски кончиками пальцев. Перья были мягкими, но холодными - как перья мёртвой птицы. Клюв - твёрдый, гладкий, без единой царапины. Она провела пальцем по его острию.

— Странно это всё, - сказала она. - Хотя в этом чёртовом городе всегда было странно.

Она отложила маску. Зажгла лампу на столе - та вспыхнула жёлтым, тёплым, не синим, как в магазине, а живым, домашним. Затем выдвинула ящик и достала записи. Листы бумаги, исписанные мелким, угловатым почерком. Старые вырезки. Пометки на полях. Она читала внимательно, быстро перебирая страницы, время от времени возвращаясь к предыдущей.

Всё сходилось к одному. Чёртова лавка... и лавочник. Анна поморщилась, будто прикусила что-то кислое - было в этом что-то неприятное, что-то липкое, от чего хотелось отмахнуться, но не получалось.

Затем откинулась на спинку стула. Нырнула рукой под распущенные волосы, разминая шею. Свет лампы падал на её лицо - бледное, с высокими скулами, с тёмными тенями под глазами.

— Ну что же, - сказала она тихо. - Пути назад уже нет. Начнём.

Она легла на кровать. Спина прямая. Руки вдоль тела.

Маска в пальцах - холодная, ждущая.

Она поднесла её к лицу. На мгновение задержалась. Не от страха - от чего-то другого. От уважения. Как задерживаются перед шагом в ледяную воду.

И надела.

Мир опрокинулся.

Не исчез. Не провалился. Опрокинулся - как будто кровать под ней вдруг стала поверхностью воды и Анна упала сквозь неё спиной вниз.

Холод пришёл не сразу. Сначала было ощущение полёта - свободного, невесомого, когда руки и ноги раскинуты, и нет ничего, за что можно зацепиться. Она падала спиной в темноту, и темнота эта была не пустой, а плотной, густой - она принимала её, как вода принимает тело.

Звуки исчезали один за другим. Тиканье часов растянулось в низкий стон и пропало. Дыхание стало глухим, далёким. А потом и вовсе стихло.

Тишина. Подводная. Глубокая.

Анна падала. Медленно, как падают сквозь толщу океана. Волосы плыли вокруг лица. Руки и ноги были в свободном падении - она не пыталась поймать равновесие, не пыталась бороться. Она просто тонула. Только дна не было. Совсем. Бездна без конца.

И в этой бездне начали проступать разводы.

Как тушь, капнувшая в воду. Как масляная плёнка на поверхности лужи. Они проступали из темноты - сначала се-

рые, затем синие, затем цвета запёкшейся крови. Они сворачивались спиралями, расходились кругами, тянулись друг к другу, как пальцы. Медленные. Тягучие. Живые.

И вдруг - звук. Приглушённый, далёкий, как сквозь толщу воды. Не голос. Не крик. Карканье. Очень далеко, почти на границе слышимости. Ворон где-то там, в глубине, ждал её.

Разводы сгустились. Собрались в пятно. Пятно стало формой. Форма стала местом.

И Анна оказалась во сне.

Она стояла посреди улицы.

Мостовые под ногами были выложены серым камнем - почти как в Невеле, но что-то было не так. Слишком светло. Слишком чисто. Дождь не шёл. Фонари не горели. Небо над крышами было белёсым, без единого облака, без солнца - просто белёсым, как разбавленное молоко.

«Ох и странно это всё», - подумала Анна. Мысль пришла спокойно, ровно - она не запаниковала. Но внутри, где-то под рёбрами, уже зарождалось неприятное, холодное чувство. Не страх. Предчувствие. Как перед грозой.

Вывески магазинов висели над дверьми, но надписи на них были размыты - буквы плыли, расползались, менялись местами, как будто она смотрела на них через мутное стекло. Она прищурилась, попыталась прочесть хоть одну - бесполезно.

Она опустила взгляд на себя.

Штаны - чёрные, приталенные, точно по фигуре, заправ-

ленные в высокие сапоги. Серые, почти серебряные в белё-
сом свете, на высоком каблуке - она качнула ногой, каблук
стукнул по мостовой, звук ушёл в тишину и не вернулся.
Корсет - жёсткий, но не сковывающий, тёмной ткани с ме-
таллическими вставками по рёбрам. Из-под корсета - белая
рубашка, свободная, с длинными рукавами, собранными у
запястий. Ткань мягкая, почти невесомая. И плащ - чёрный,
тяжёлый, но лежащий на плечах странно: одно плечо укры-
то плотно, второе - свободно, и край плаща свисал неровно,
заострённо, как сложенное крыло.

Она подняла руку к лицу. Пальцы коснулись маски. Во-
ронья. Перья. Клюв. Маска закрывала лицо полностью, но не
обволакивала голову - она сидела плотно, как вторая кожа, и
Анна чувствовала, как перья едва заметно шевелятся у вис-
ков, как клюв касается её подбородка.

«Ну и сумбур, конечно», - подумала она.

«Ладно. Разберёмся. Ты здесь, чтобы понять, как это ра-
ботает. Не отвлекайся».

Она пошла вперёд.

Улицы были пусты. Она миновала переулок, другой, тре-
тий - дома становились выше, плотнее, но всё такое же раз-
мытое, нечёткое, как декорации в театре, которые ещё не до-
красили. Окна были тёмными. Двери закрыты.

А потом она вышла на центральную улицу.

Здесь были люди.

Прохожие. Много. Они шли по своим делам, не глядя друг

на друга, не глядя на Анну. Обычные люди. Мужчины в сюртуках, женщины в длинных юбках, мальчишка-газетчик с кипой бумаг. Они проходили сквозь неё взглядами - будто её не существовало.

«Не видят», - отметила Анна. - «Почему? Я для них невидима? Или они для меня - просто декорации?»

Она не знала. Но стоять и гадать было бессмысленно. Она пошла сквозь толпу, чувствуя себя хищником в овечьем загоне. Невидимым. Неощутимым.

И вдруг - один из них заметил.

Мужчина. Лет сорока, может, больше. Обычное лицо, тронутое усталостью. Тёмный сюртук, поношенный на локтях. Он шёл с тростью, но трость была не для опоры - для вида, для солидности. Он поднял глаза. Встретился с ней взглядом.

И застыл.

Лицо его не исказилось криком - оно просто замерло в испуганной маске. Глаза расширились, рот приоткрылся. Он попытался шагнуть назад, но ноги не слушались - они будто увязли в чём-то вязком, в патоке, в мёде. Он дёрнулся раз, другой, беспомощно, как муха на липкой ленте. Движения были медленными, растянутыми.

«Вот ты и попался», - подумала Анна. - «Ты - хозяин этого сна. И ты меня видишь. Почему? Почему именно ты?»

Она пошла к нему. Не быстро. Медленно. Она не хотела его пугать - но уже понимала: её присутствие само по себе

было пугающим. Маска делала её чужой. Вторжением.

Мужчина попытался бежать. Его ноги двигались, как в кошмаре - медленно, тяжело, будто воздух вокруг превратился в сироп. Он отчаянно перебирал ими, но почти не сдвигался с места.

И тут пространство начало меняться.

Люди исчезли. Не ушли - просто перестали быть. Толпа растворилась в воздухе, оставив пустую улицу.

Свет изменился.

Белёсое небо налилось багровым. Из ниоткуда выплыла луна - огромная, низкая, цвета запёкшейся крови. Она висела над крышами, как больной глаз.

«Кошмар», - поняла Анна. - «Это он. Это его страх. Сон реагирует на него - и на меня».

Деревья вдоль улицы начали сохнуть на глазах. Кора трескалась, ветви скручивались, листья сворачивались в трубочки и осыпались пеплом. Дома искажались - стены выгнулись наружу, окна вытянулись, двери провалились внутрь. Чёрный цвет пополз по фасадам, как плесень, как гниль.

«Он боится. Он делает это с собой сам. А я просто... стою здесь».

И тут из-за угла вышел другой.

Высокий. В белом костюме - ослепительно белом, без единого пятна. Прямые брюки, приталенный сюртук, перчатки до запястий. Одежда сидела идеально, как на манекене. Он двигался легко, свободно - воздух, густой для жертвы,

для него был просто воздухом. Плечи развёрнуты. Походка неспешная, уверенная. Человек, который знает, зачем пришёл.

Но лицо.

Маска. Белая, гладкая, залитая воском - и воск этот застыл потёками, каплями, неровными волнами. Ни рта, ни носа. А вместо глаз - разводы. Две тёмные впадины, напоминавшие глазницы, но пустые, и форма их была странной: не круг, не овал, а что-то, похожее на застывшую грусть. Как будто кто-то провёл пальцем по мокрой краске и оставил след, который не хотел высыхать.

Анна замерла.

«Другая маска. Здесь. В этом же сне. Морок говорил - бывают. Но чтобы сразу, в первый раз...»

Она не закончила мысль. Пришелец повернул голову - медленно, плавно, как большая кукла. Грустные разводы-глазницы уставились на Анну. Потом на жертву. Потом снова на Анну.

И он понял. Так же, как она поняла его.

Двое охотников. Одна добыча.

Носитель сна захрипел. Он чувствовал обоих. Его тело сотрясала дрожь - мелкая, жалкая. Пот тёк по вискам, по шее, за воротник сюртука. Он пытался кричать, но из горла вырывался только сип.

«Он умрёт», - подумала Анна. - «Если не от меня, то от него. А если от него... как именно он умрёт? Медленно? В

мучениях? И что будет с рассудком этого человека, когда он проснётся - если проснётся?»

Она посмотрела на восковую маску. На грустные разводы вместо глаз.

«Ты не просто пугать пришёл. Ты пришёл наслаждаться».

Чужак сделал шаг к жертве. Движение было плавным, как стекающий воск. Белая перчатка поднялась и указала на мужчину. Жест был простым. Моим. Не трогай.

Анна колебалась.

«Я не знаю, как драться. Я не знаю, на что способна эта маска. Я вообще ничего не знаю. Но если я ничего не сделаю - этот человек сойдёт с ума или умрёт. А я буду стоять и смотреть. И ради этого я искала магазин?»

Она не хотела быть героем. Она не затем пришла. Но стоять и смотреть - это было другое. Это было разрешение. Соучастие.

«Ну уж нет».

Она рванулась вперёд.

Чужак повернулся - быстро, слишком быстро для такой плавной фигуры. Но Анна уже была не там. Что-то в ней изменилось. Маска на лице стала легче. Или это тело стало другим - быстрее, резче, как птица, бросающаяся на добычу.

Она не знала, как остановить воскового. Она знала только, как остановить сон.

Достичь жертвы первой.

Она оказалась рядом с мужчиной за долю секунды. Он по-

смотрел на неё снизу вверх - и в его глазах, расширенных, мокрых, она увидела своё отражение. Чёрные перья. Клюв. Тень с крыльями.

«Прости», - подумала она. - «Так будет быстрее. Легче. Ты даже не поймёшь».

Она взяла его голову в ладони. Движение вышло странно мягким, почти нежным - она сама не ожидала, что сможет так. Пальцы легли на виски. Большие пальцы - на челюсть.

«Ты просто проснёшься. В своей постели. Живой. Испуганный, но живой. Это лучше, чем то, что он для тебя приготовил».

Одно усилие.

Шея хрустнула.

Звук был негромким. Почти интимным. Как треснувшая ветка в лесу.

Мужчина обмяк. И начал таять - не исчезать, а именно таять, теряя форму, цвет, объём. Через секунду его не стало.

«Вот так. Теперь просыпайся. Всё кончилось».

И тогда сон взорвался.

Пространство треснуло. Буквально - по мостовой побежали трещины, из них хлынул багровый свет. Дома начали осыпаться, как песочные замки. Луна погасла. Деревья рухнули.

Чужак в белом замер. Грустные разводы на его маске дрогнули - и Анна поняла: это не грусть. Это ярость. Холодная, глубокая, бессильная ярость. Он кричал - без звука, без рта, - но крик этот был почти видимым. Волна пошла по руша-

щейся улице, сбивая фонарные столбы.

Он прыгнул к Анне.

«Уходить. Сейчас. Где выход? Должен быть. Должен».

Она отступала, уворачиваясь от падающих обломков. Мысли неслись быстро, лихорадочно. Выход. Морок ничего не говорил про выход. Но маска знала. Она чувствовала - где-то здесь. Что-то тянет. Слабо, как нить.

Светильник.

Она увидела его в последний миг. Высоко. На покосившемся фонарном столбе, который ещё не рухнул. Стекло мутное, но внутри горел огонь - не синий, не жёлтый, бесцветный, дрожащий, как мираж.

«Там. На столбе».

Анна бросилась к нему. Чужак в белом схватил её за плащ. Пальцы в белых перчатках вцепились в край крыла. Анна рванулась - ткань затрещала. Она прыгнула. Слишком высоко для человека. Но не для Ворона.

Пальцы коснулись стекла.

Светильник вспыхнул синим.

«Получилось. Получилось!»

Всё замерло.

Под светильником раскрылась темнота - ровный овал, край которого светился синим. Выход. Анна не думала. Она шагнула в него - и сон схлопнулся за спиной.

Пробуждение было резким. Как удар о воду с большой высоты.

Анна села на кровати рывком, хватая воздух ртом. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Её трясло - мелко, противно, как в ознобе. Маска слетела с лица и лежала рядом - перья неподвижны, клюв тускло блестел в свете лампы. За окном всё тот же дождь. Часы тикали. Всё было на своих местах.

Она подняла руку. Пальцы дрожали. Те самые пальцы, которыми она только что...

— Нихера себе, - выдохнула Анна. Голос сорвался, получился хриплым, чужим. Она сглотнула, попыталась отдышаться. Не получилось.

Она сидела на кровати, обхватив плечи руками, и смотрела в стену невидящим взглядом. Дыхание постепенно выравнивалось. Дрожь уходила - медленно, неохотно, как вода из ванны.

Вот как это работает.

Глава 3. Нити

Анна встала с кровати медленно — не потому, что не хотела спешить, а потому, что тело отказывалось слушаться. Мышцы гудели. Кости помнили падение. Кожа ещё ощущала прикосновение чернильных вод, которые сомкнулись над ней во сне. Не боль. Не усталость. Отклик. Глухой, глубокий, как эхо в колодце, куда бросили камень и забыли. Первые секунды она не могла понять, где явь, а где продолжение сна. Комната казалась чужой — лунный свет резал тьму на осколки, и в этих осколках всё выглядело незнакомым, смещённым, будто кто-то переставил мебель, пока она спала. Собственное дыхание звучало громко, чужеродно, как шаги за стеной. Она моргнула — и тьма не отступила. Моргнула ещё раз — и только тогда поняла, что глаза уже открыты. Она сидела на краю постели, ссутулившись, уперев локти в колени. Пальцы подрагивали. Те самые пальцы, которыми она остановила сердце незнакомца. В комнате было темно. Только лунный свет проникал сквозь окно, разрезая тьму надвое — бледный, холодный, равнодушный. Он лежал на полу двумя косыми полосами, перечёркнутыми те-

нями оконного переплёта, и не давал тепла. Просто обозначал: здесь что-то есть. Или было. Анна поднялась. Половица отозвалась протяжным скрипом — знакомым, домашним, но сейчас он прозвучал иначе. Как предупреждение. Как вопрос, на который у неё не было ответа. Она накинула халат и вышла в коридор. Винтовая лестница встретила её тем же гулом, что и прежде — глухим, ритмичным, но теперь к нему прибавился новый звук. Эхо. Её собственные шаги возвращались к ней снизу, из темноты первого этажа, чуть изменённые, будто там, внизу, шёл кто-то другой. Анна остановилась. Эхо сделало ещё один шаг и замерло. Тишина. Она спустилась на кухню. Здесь было темнее, чем в коридоре. Лунный свет не добивал до этого угла — его загораживала стена гостиной. Анна зажгла лампу. Та вспыхнула не сразу — зашипела, замигала, будто раздумывая, стоит ли вообще гореть в такой час, — и наконец разлила по кухне жёлтое, тёплое сияние. Тени отступили к стенам, но не исчезли. Просто затаились. Анна не переставала думать. Мысли текли не быстро — медленно, вязко, как и всё в эту ночь. Ощущение чужого сна всё ещё висело на плечах, как мокрый плащ. Она чувствовала его запах — не тот, что был там, а другой, принесённый с собой. Запах багровой луны. Запах чужого страха. Он впитался в кожу и не хотел уходить. Анна потёрла запястья — ей казалось, что чернильные разводы всё ещё касаются её, хотя она знала: это невозможно. Она проснулась. Она была здесь. Но тело не верило. — Разве сон может ме-

няться? — пробормотала она. Голос в пустой кухне прозвучал глухо. Лампа мигнула. — Я не желала этого. Я просто стояла. Он сам начал превращать улицу в кошмар. Он сам сделал это с собой. А я... Она замолчала. Потому что ответ ей не нравился. Она была кошмаром. Она вошла в чужой сон, и сон начал меняться. Не потому, что она хотела. Потому, что она там была. Маска сделала её не просто наблюдателем — катализатором. Чужой страх обретал форму при ней. Может, это и есть сила Вороньих Кошмаров? Не нападать. Присутствовать. И ждать. Она подошла к буфету. Графин стоял на своём месте — стекло, потемневшее от времени, с узким горлом и серебряной пробкой. Анна взяла его, и вода внутри качнулась — медленно, лениво, не как вода, а как ртуть, как жидкое стекло, как нечто, что не хочет двигаться, но вынуждено подчиниться. Она налила стакан. Струя текла густо, задерживаясь в воздухе на долю секунды дольше, чем следовало, будто время в эту ночь сбилось с ритма, будто даже вода не хотела покидать графин. Она поднесла стакан к губам. Сделала глоток. Вода выплеснулась — резко, неожиданно, будто ждала этого момента. Холодная струйка потекла по подбородку, спустилась ниже, по скуле, по шее, скользнула за ворот халата и исчезла. Анна не вытерла её. Просто стояла, чувствуя, как капля ползёт вниз, остывая на коже. Холод отрезвлял. Холод возвращал в тело. — Мне надо ещё раз узнать, — сказала она тихо. — Уверена, этот лавочник знает больше, чем говорит. Она поставила стакан на стол. Звук вы-

шел глухим, деревянным, окончательным. Решение принято. Она вернётся в магазин. И на этот раз Морок не отделается ехидными улыбками и туманными фразами. Она кинула взгляд на свои пальцы — они всё ещё дрожали. Анна обхватила их, заставляя замереть. Сжала. Разжала. Дрожь ушла. Почти. Лампа на столе горела ровно, отбрасывая жёлтый круг на столешницу. За пределами этого круга кухня тонула в тенях — не пугающих, а привычных, домашних, но сегодня даже они казались глубже, плотнее, будто в них что-то затаилось и ждало. Не двигалось. Не дышало. Просто присутствовало — как присутствует пыль в углах, старая, нетронутая, копившаяся задолго до того, как Анна впервые переступила порог этого дома. Она заварила кофе. Не потому, что хотела пить. Потому, что нуждалась в ритуале. В чём-то простом, земном, понятном — в том, что возвращает тело в мир вещей. Медная турка нагрелась на плитке, и по кухне поплыл запах — густой, горьковатый, обволакивающий. Он не просто пах. Он оседал на языке, на нёбе, на стенках горла, ещё до первого глотка. Пар поднимался над носиком турки, закручивался спиралью, таял в темноте под потолком — медленно, лениво, будто и он не хотел покидать тепло. Анна наблюдала за ним, не отрываясь. Пар был живым. Пар был настоящим. Не как те разводы в чернильной глубине — не как тушь в воде, не как масляная плёнка на поверхности чужого сна. Просто пар. Просто кофе. Просто реальность, за которую можно держаться, как держатся за перила на скользкой

лестнице. Она налила густую, почти чёрную жидкость в чашку. Чашка была старой, с трещиной на боку — тонкой, как волос, — но именно её Анна любила больше всего. За то, что та хранила тепло долго, неохотно отдавая его ладоням, будто понимала: больше тепла этой ночью не будет. Керамика была шершавой под пальцами, тёплой, живой. Анна обхватила чашку обеими руками и замерла. Тепло пошло в пальцы, в запястья, в кровь — медленно, густо, как и всё этой ночью. Оно не обжигало. Оно утешало. И это было почти невыносимо — потому что утешаться было не время. Она сделала глоток. Кофе был горьким, крепким, без сахара. Горечь осталась на губах, на языке, на нёбе — долгая, глубокая, как эхо. За окном дождь стих. Не прекратился — именно стих, выдохся, оставив после себя только мокрые крыши, мокрый камень, мокрый воздух. Небо очистилось — насколько оно вообще могло очиститься в Невеле, — и в прореху между тучами выглянула луна. Бледная, уставшая, почти прозрачная. Она висела низко, цепляясь краем за шпиль старой часовни, и свет её был не серебряным, а белёсым, разбавленным, как молоко, в которое добавили слишком много воды. Луна смотрела в окно кухни, и свет её лежал на подоконнике тонким слоем — не освещал, а скорее обозначал границу между тьмой и тем, что тьмой ещё не стало. Анна знала: скоро луна уйдёт. Ещё час — и её затянет обратно туманом, или закроет новой тучей, или просто растворит рассвет, серый, неохотный, какой бывает только в Невеле. Новый день

придёт — и никто не заметит разницы. Она поднялась и вышла из кухни. В кабинете было холоднее, чем в остальном доме. Окно здесь выходило на север, и лунный свет не проникал сюда даже в ясные ночи. Только темнота. Только тишина — глубокая, вязкая, как патока. И запах. Старая бумага. Пыль. Чернила. Кожа переплётов. Анна зажгла настольную лампу — та вспыхнула не сразу, замигала, затрещала, будто просыпаясь, — и жёлтый свет упал на стол, выхватив из темноты ворох бумаг. Она села. Стул под ней скрипнул — звук вышел резким, неуместным в этой тишине. Анна выдвинула ящик. Дерево пошло туго, с сопротивлением, будто ящик не хотел отдавать то, что в нём хранилось. Записи. Папки. Вырезки. Листы, исписанные её собственным угловатым почерком. Пометки на полях — торопливые, острые, как порезы. Вопросительные знаки, жирно обведённые карандашом. Стрелки, соединяющие имена и даты. Круги. Подчёркивания. Слова, которых она не помнила, но узнавала — как узнают лицо в старой фотографии. Она перебирала листы. Шершавая бумага шуршала под пальцами — звук сухой, деловой, отрезвляющий. Края листов были потрёпаны, кое-где надорваны, кое-где в пятнах — не от кофе, от времени. Вырезка из «Невельского вестника»: «Следователи разводят руками. Смерть во сне — трагическая случайность или нечто большее?» Другая: «Ночные кошмары: миф или новая угроза?» Третья: «Странные смерти в Нижнем городе. Следствие зашло в тупик». Потом пошли другие записи. Не

газетные. Те, что она собирала по крупицам — из разговоров, из слухов, из пьяных исповедей в тёмных углах дешёвых трактиров, куда приличные люди не заходят, а неприличные заходят, чтобы забыться. «Рассказы безумцев» — так она их называла. Но безумцы ли они? Она перебирала листы один за другим. Обрывки фраз. Чужие голоса, записанные её рукой. Бумага была холодной под пальцами — холоднее, чем воздух в комнате, будто хранила холод тех улиц, тех трактиров, тех ночей. «...кошмары, говорю тебе, кошмары. Они ведут себя как живые. Они не часть сна — они приходят в него, как гости, которых не звали. Ты спишь, а они смотрят. И ты не можешь проснуться, пока они не уйдут...» «...синий свет. Там всегда синий свет. Как в старых фонарях на Соляном спуске. Если увидишь синий свет — беги. Но бежать не получится, потому что ноги не слушаются. Они как чужие. Как будто ты уже умер, а они ещё нет...» «...он сказал, что грёбанный Морок продаёт не товар. Он продаёт доступ. А плату берёт снами. Снами, понимаешь? Ты ему — сон, он тебе — ключ. И ты уже не знаешь, кто кому должен...» Анна остановилась. Перечитала. Плата снами. Она помнила — Морок сказал: «Я беру не деньги. Я беру ночь вашего сна». Тогда это прозвучало как метафора. Теперь — иначе. Она перевернула страницу. Ещё одна запись — торопливая, сделанная карандашом, почти стёршаяся от времени. Буквы плясали, наползали друг на друга, будто писавший боялся не успеть. «...истончение грани миров. После затяжных переходов по снам. Тот,

кто носит маску слишком долго, перестаёт быть собой. Он становится чем-то другим. Чем-то, что живёт не здесь и не там. Граница истончается. Сон просачивается в реальность. Реальность — в сон. И тогда ты уже не знаешь, где ты. И кто ты. И был ли ты вообще...» Анна откинулась на спинку стула. Дерево отозвалось глухим скрипом. Она прикрыла глаза — не от усталости, от необходимости переварить. Под веками плыли тени. Не те, что в чернильных водах, — другие, слабые, как отголоски. Она открыла глаза. Тени исчезли. Бумаги лежали на столе, жёлтый свет лампы падал на них ровно, спокойно, будто ничего не случилось. Она подняла чашку, из которой тянулся тёплый пар остывающего кофе, и сделала глоток, который слегка обжёг рот, затем разлился горьковатым приятным теплом обжаренных зёрен. — Я что-то упустила, — прошептала она. — Что-то очень важное. Она снова просмотрела записи. Светильник — ни слова. Выход из сна — ничего. Встреча с другой маской — только намёки, только «они иногда пересекаются». Но почему никто не написал, что делать, если ты встретил другого? Почему никто не рассказал, как защищаться? Как выжить? Ответ был прост. Он лежал на поверхности, и именно поэтому она не видела его раньше. Те, кто встретил другого, не возвращались. Она закрыла папку. Движение вышло медленным, тяжёлым, как у человека, который принял решение не сейчас — давно, ещё там, во сне, когда коснулся светильника и почувствовал, как синий огонь обжёг пальцы холодом. Кофе допит. Чаш-

ка остыла — керамика теперь была просто керамикой, без тепла, без жизни. За окном луна висела уже совсем низко, зацепившись краем за крышу соседнего дома. Ещё немного — и она уйдёт. Новый день накатывал откуда-то с востока, серый, неохотный, как чернила, разбавленные водой. Анна встала. Подошла к вешалке. Сняла плащ. Тяжёлая ткань легла на плечи знакомой, надёжной тяжестью — как якорь, как напоминание о том, что у всего есть вес. Металлические накладки на плечах холодно блеснули. Она застегнула кафтан — медленно, петля за петлёй, крючок за крючком. Поправила перчатки. Каждое движение было точным, выверенным, как у человека, который больше не сомневается. Капюшон пока не накинула — оставила открытым лицо. В прихожей было темно. Зеркало у двери отражало её смутно, как поверхность старой воды. Анна не стала в него смотреть. Она взялась за ручку, остановилась на мгновение — и произнесла в темноту:— Морок. Твои тайны рано или поздно выйдут на поверхность. Голос был ровным. Холодным. Без страха. Без злости. Просто констатация. Как приговор. Дверь открылась. Дверь закрылась. Замок щёлкнул глухо, сыто, окончательно. Улица встретила её тишиной. Дождь ушёл, оставив после себя только мокрый камень, мокрый воздух, мокрые отражения фонарей в лужах. Луна догорала над крышами — последний бледный луч скользнул по мостовой и погас. Где-то на востоке небо начало сереть — медленно, неохотно, как будто сам рассвет не хотел приходить в Невель. Ан-

на шла. Каблуки цокали по мостовой — ровно, ритмично, как метроном, отмеряющий время. Звук отражался от каменных стен, множился в переулках и возвращался обратно, будто город вторил её шагам, будто он знал, куда она идёт, и не пытался остановить. А где-то в глубине лавки, за прилавком, покрытым тёмным бархатом, Морок поднял голову от футляра. Пальцы его замерли — длинные, тонкие, с выступающими суставами. Треснутая линза блеснула в синем свете газового рожка. Он улыбнулся — одними уголками губ, сухо, как трескается старая бумага. Он знал. Он всегда знал, что она вернётся. Колокольчик звякнул — коротко, хрипло, как простуженная птица, — и Анна переступила порог. В лавке ничего не изменилось. Всё тот же синий свет газового рожка, дрожащий, неверный. Всё те же стеллажи, уходящие в темноту под потолок. Всё те же футляры — кожаные, деревянные, обитые бархатом, — запёртые, запечатанные, дышащие. Воздух был густым, как настоявшийся чай: воск, старая бумага, горький миндаль и что-то ещё, чего Анна не могла назвать, но узнавала — запах самого Морока, сухой, как соль, как пыль на корешках книг, которые не открывали годами. Морок стоял за прилавком. Он не поднял головы, когда она вошла, — только пальцы его замерли над раскрытым футляром, длинные, тонкие, с выступающими суставами, и зависли в воздухе, будто наткнулись на невидимую стену. Затем он медленно, с той же задержкой, что и всегда, поднял глаза. Треснутая линза блеснула синим. —

Ах, дорогая. Я знал, что вы вернётесь. Он не поздоровался. Не спросил, как она спала. Вместо этого он указал на край прилавка — туда, где на тёмном бархате, на том самом месте, лежали монеты, что швырнула Анна при первой встрече. Они не были тронуты. Они лежали так, как легли: одна чуть на отлёте, другая привалилась к ней боком, третья — на ребре, застыв в странном, противоестественном равновесии. Металл потускнел. Бархат вокруг монет примялся, но пыль на них не осела — будто время в этом углу прилавка остановилось. — Вы обронили, — произнёс Морок. Анна перевела взгляд с монет на него. — Плата за эту услугу начисляется не монетами? — спросила она. — Я же уже говорил. — Морок чуть склонил голову набок, и синий свет скользнул по его лицу, сделав его на мгновение старше. Или младше. Или вовсе лишённым возраста. — Плата — нечто другое. То, что ценнее ваших звонких кругляшек. Гораздо ценнее. Анна не стала спрашивать снова. Вместо этого она сказала: — Я хотела бы знать о том, как действовать во сне. Морок оживился. Если можно было назвать оживлением это лёгкое, почти незаметное изменение в его лице — тень интереса, скользнувшая по сухим чертам и пропавшая. — Конечно, конечно. — Он говорил язвительно, но обходительно, как человек, который наслаждается разговором, но не хочет этого показывать. — Как уже говорил, раз вам подробным образом всё расскажу. Главное — что вы здесь. А значит, вы смогли выбраться из кошмара. А это, поверьте, удаётся не каждому. — Я видела

другого человека в маске. Морок замер. Не телом — телом он и так почти не двигался, — а чем-то глубже, чем-то внутри, что на секунду перестало работать. Затем он выдохнул — тихо, почти беззвучно, как выдыхает человек, которому только что рассказали особенно удачную сплетню. — Как же вам повезло, — произнёс он. — Редко встретишь такое. Не правда ли, это восхитительно — когда два кошмара в одном сне? Сон становится максимально страшным. И непредсказуемым. Он перестаёт быть просто сном. Он становится... театром. С двумя актёрами. И одной аудиторией. — Он выглядел как свеча, залитая воском, — сказала Анна. — Белый костюм. Белая маска. Вместо глаз — разводы. — О-о-о. — Морок растянул звук, как растягивают старую резину. — Восковая. Вы встретили Восковую. Какая удача. Какая невероятная, редкостная удача. Поразительно. Анна не ответила на его улыбку. Она сказала ровно, без интонации: — Я убила носителя сна. Морок замер снова. На этот раз — по-настоящему. Его пальцы, до этого легко постукивавшие по прилавку, остановились. Газовый рожок мигнул, и тени на стенах дрогнули. — В первое погружение? — переспросил он. — Да. — И смогли выбраться? Интуитивно? — Да. Морок медленно, очень медленно провёл пальцами по столу. Движение это было странным, завораживающим — его длинные пальцы прогибались под неестественным углом, выгибались в суставах, как у паука, перебирающего лапами по невидимой паутине. Он выдвинул кресло из-за прилавка — старое,

с высокой спинкой, обитой тёмным бархатом, — и жестом пригласил её сесть. — Садитесь, — сказал он. — Мы с вами всё детально обсудим. Анна села. Кресло приняло её тяжесть с глухим, утробным вздохом. Морок приблизился. Не шагнул — именно приблизился, как приближается тень, когда пламя наклоняется в сторону. Он встал так близко, что Анна почувствовала тепло, исходящее от его жилета, — сухое, как от нагретой солнцем стены, которой никогда не касался свет. Треснутая линза оказалась в нескольких дюймах от её лица. За ней глаз Морока был светлым, почти бесцветным, как вода, в которую долго смотрели на свет. — Ведь как я уже говорил, — произнёс он почти шёпотом, и голос его был как сухая соль, — Воронья маска не выбирает глупцов. Синий огонь дрогнул. Тени на стенах дрогнули вместе с ним. Где-то в глубине лавки один из футляров издал низкий, вибрирующий гул — как будто согласился. — Вы сказали, что правила знаете, — произнёс Морок, и голос его был мягким, обволакивающим, как дым, который стелется по полу, прежде чем подняться к потолку. Слова текли медленно, густо, и в них было что-то сладкое — не приторное, а именно сладковатое, как запах миндаля, который маскирует совсем другой запах. — Вот я и подумал, что вы действительно сможете находиться по ту сторону. Что вам хватит знаний. И опыта. — Он сделал паузу, и в этой паузе было что-то тягучее, как мёд, как патока, как время, которое в лавке не шло, а переливалось через край. — Как у вашего отца. — Пауза, кото-

рую он растянул, давая словам осесть. — Но всё же я ошибся. Досадно. Очень досадно. Однако — вы живы. Вы тут, передо мной. Истинное доказательство вашего непревзойдённого ума. Анна слушала. Слова Морока доходили до неё не сразу — они задерживались в густом воздухе лавки, оседали на коже, на ресницах, на губах, и только потом проникали внутрь. Она чувствовала: что-то в его речах было неправильным. Не ложь. Ложь она бы распознала — в высшем обществе этому учат с малых лет. Другое. Его объяснения были гладкими, закруглёнными, без единого острого угла, за который можно было бы зацепиться. Как стекло, которое долго обтачивали водой. — Выход из кошмара — лампа, — сказала она ровно. — Та, что нужно зажечь. Морок подался вперёд. Движение было едва заметным, но воздух в лавке качнулся, стал плотнее, будто само пространство отреагировало на его интерес. — Вы это почувствовали, — произнёс он, и в голосе его прорезалось что-то новое. Не восхищение. Не удивление. Интерес. Голодный, глубокий, как трещина в камне, которая уходит далеко вниз, в темноту, в те места, где нет света и никогда не было. — Невероятное сближение. Маска сама хотела, чтобы вы выжили. Анна нахмурилась. Тени на её лице сгустились. — У них есть воля? — У них есть всё. — Морок отвёл руку в сторону, обводя стеллажи, футляры, дышащие коробки, вибрирующие цепи, и жест этот был плавным, как движение водоросли под водой. — Во снах вы можете делать абсолютно всё, что пожелаете. В пределах силы

маски, разумеется. Но открыть эту силу сможете только вы сами. Маска — это дверь. А ключ — вот тут. — Он коснулся длинным пальцем своего виска, и палец на мгновение задержался, надавил, будто проверяя что-то под кожей. — И тут. — Палец переместился к груди, туда, где под жилетом из выцветшего бархата что-то слабо блеснуло — цепочка, ключ, металл, который не теплел от тела. Он замолчал. Молчание длилось долго — такое долгое, что синий свет успел мигнуть дважды, и каждый раз тени на стенах вздрагивали, как живые. — Если вы нашли выход, — продолжил он, и голос его стал ещё мягче, ещё слаще, как сироп, в который добавили каплю яда, — и если вы знаете правило про носителей сна... я должен рассказать вам одно маленькое уточнение. Он наклонился ближе. Анна не отодвинулась, но внутри неё что-то сжалось — не страх, а скорее настороженность, древняя, звериная, та, что просыпается, когда рядом хищник, но ты ещё не знаешь, чужой или свой, и не знаешь, хочешь ли знать. Её пальцы инстинктивно впились в обивку. — Плата за пользование маской, — произнёс Морок почти шёпотом, и каждое слово было как сухая соль на открытую рану, — это ваши сны. Никто не сможет в них проникнуть. Это защита самой маски. Вы — крепость. Ваш сон — закрытая дверь. Для всех. Для чужих кошмаров. И — для вас самих. Анна молчала. Она смотрела на его треснутую линзу, на бледный глаз за ней, на сухие черты лица, которые не становились ни старше, ни моложе. Слова Морока оседали внутри неё медленно, как

муть на дне стакана. Плата — сны. Защита. Крепость. Всё это звучало разумно. Складно. Почти правдиво. Но между слов оставалось пространство — тёмное, неосвещённое, как щель между половицами, в которую проваливаются мелкие вещи и не возвращаются. И в этом пространстве помещалось гораздо больше, чем в самих словах. Ты что-то недоговариваешь, — подумала она. Каждое твоё объяснение — как эта дверь. Приоткрыта. Ровно на толщину ладони. Достаточно, чтобы заглянуть. Недостаточно, чтобы войти. Она не стала говорить этого вслух. Вместо этого она встретила его взгляд — прямой, ледяной, — и спросила: — Что ещё? Морок улыбнулся. Не губами — глазами. Трещина в линзе рассекла его зрачок надвое. — О, многое, — сказал он, и голос его был сладким, как патока, как дым, как туман, который обнимает за плечи и шепчет: останься. — Очень многое. Но всему своё время. Вы пока ещё живы. И это главное. Остальное — детали. Синий огонь дрогнул. Где-то на стеллажах один из футляров вздохнул — долго, протяжно, как человек, который спит и видит что-то, чего не должен видеть. Анна не отвела взгляда. Она знала: этот разговор ещё не окончен. Он только начался. И туман в словах Морока — сладкий, обволакивающий — не скроет того, что она придёт снова. И снова. Пока не получит ответы. Настоящие. Без патоки. Без дыма. Без теней. — Расскажите про маски, — произнесла она медленно, и каждое слово падало в тишину лавки, как камень в глубокий колодец, где не видно воды. — Что они могут? Поче-

му вы с таким трепетом рассказываете об их встрече? Морок выдохнул. Выдох был долгим, почти неслышным, но воздух в лавке стал чуть плотнее, будто сам выдох имел вес. — Каждая маска в моей лавке уникальна, — сказал он, и голос его был теперь не сладким, а скорее густым, как старое вино, которое откупорили впервые за много лет. — И ценна. Бесконечно ценна. — Он повёл рукой, и длинные пальцы на мгновение зависли в воздухе, прежде чем опуститься на прилавок. — Носителей они выбирают за их особенности. За характер. За то, что спрятано глубже, чем память. Вы думаете, Воронья маска выбрала вас случайно? — Он покачал головой. — Нет. Она почувствовала что-то. Что-то, что резонирует с ней. Он замолчал, позволив тишине заполнить пространство между ними. Затем продолжил — медленнее, тише: — Маска, с которой вы столкнулись, на редкость редкая. Она может продолжить сон носителя без каких-либо усилий. Даже после того, как носитель мёртв. — Он ухмыльнулся, и ухмылка эта была сухой, как трещина на старой картине. — Но, видимо, вы ему испортили всю охоту. Анна переваривала услышанное. Слова оседали в сознании медленно, как песок на дно мутной воды. — Сила маски — удерживать носителя во сне против его воли? — спросила она. — Совершенно верно. — Морок кивнул, и движение это было плавным, почти маслянистым. — Может погружать его глубже в подсознание. Туда, где страхи становятся реальностью, а реальность — страхом. Туда, где время течёт иначе, где минута может

длиться вечность, а вечность — сжаться в точку. Туда, где нельзя проснуться, пока тебя не отпустят. Анна почувствовала, как что-то внутри неё сжалось — не страх, а отвращение, смешанное с гневом. Холодным, тягучим, как ртуть. — Это жестокость, — сказала она ровно. Морок посмотрел на неё. Взгляд его был спокойным, даже участливым, но где-то в глубине, за треснутой линзой, пряталось что-то другое. Что-то древнее. Что-то, что видело слишком много, чтобы осуждать или оправдывать. — Таковы уж люди, — ответил он. — Маски — лишь зеркало. Они отражают. Не искажают. То, что вы называете жестокостью, — это человеческая природа, которой дали ключ от чужой спальни. Он выдержал паузу. Затем его голос изменился — стал мягче, но не слабее. Так говорит человек, который предупреждает, а не угрожает. — Ваша маска — знак Ворона. Согласно легендам, вороны живут в обоих мирах. Жизни и смерти. Яви и сна. Они — проводники. Они — те, кто не принадлежит ни одному берегу. Скорее всего, вы тоже сможете быть и в реальности, и во сне. Одновременно. Или почти одновременно. Это редкий дар. И опасный. Он наклонился ближе, и треснутая линза блеснула синим. — Но смею предупредить: есть носители, которые не разделяют вашу точку зрения. Для них сны — это угоды. Охотничьи угоды. Они невероятно сильны. И опасны. Гораздо опаснее той восковой маски, с которой вы столкнулись. Лучше держаться от них подальше. Хотя... — Он отвёл взгляд, и в этом движении было что-то странное — не уклон-

чивость, а скорее расчёт. — Вы вряд ли послушаете моего совета. Вороны редко слушают. Они наблюдают. И делают по-своему. Он хотел добавить что-то ещё, но не успел. Колокольчик над дверью дёрнулся — не вскрикнул, как обычно, а именно дёрнулся, издав короткий, сдавленный звук, будто поперхнулся собственным звоном. Дверь отворилась, впуская в лавку холодный воздух и нового посетителя. Мужчина. Высокий, прямой, как трость, на которую он опирался. Серые брюки с идеальной стрелкой. Фрак тёмно-синего сукна, приталенный, безупречного кроя, с шёлковыми лацканами, которые тускло блестели в синем свете. На лице — монокль, вставленный в глазницу так плотно, будто он был частью лица, а не аксессуаром. Борода — седая, ухоженная, подстриженная с той тщательностью, которая говорит о деньгах, старых деньгах, не о внезапном богатстве. Запонки. Серебряный набалдашник трости. Запах табака и одеколона — дорогого, с нотками сандала и чего-то ещё, что Анна не смогла опознать. Он вошёл, не глядя на Анну. Его взгляд — спокойный, уверенный, без тени сомнения — был устремлён на Мороча. Мороч изменился мгновенно. Он выпрямился, развернулся всем телом, и лицо его осветилось той особой, отретированной любезностью, которая предназначалась для старых друзей. Или старых должников. Или тех, кого не называют по имени. — Прошу меня простить, — бросил он Анне, даже не обернувшись. — Ещё один покупатель. И он двинулся к гостю, и в движениях его больше не было задержки —

они были плавными, как вода, как масло, как отражение в тёмном зеркале.— Дорогой друг, — произнёс Морок, и голос его стал другим: теплее, интимнее, но тепло это было не настоящим, а заёмным, как пламя в камине, которое греет, пока кто-то платит за дрова. — Снова мы встречаемся. Спустя столько лет. Мужчина с моноклем улыбнулся. Улыбка была сдержанной — уголками губ, без зубов. Он не смотрел на Анну. Он вообще, казалось, не замечал её присутствия — как не замечают тень в углу или пыль на подоконнике. Анна поднялась. Кресло позади неё скрипнуло — глухо, как выдох.— Мне тоже пора идти, — сказала она. Морок не обернулся. Он уже был где-то там, в другом разговоре, в другой сделке, в другой тайне. Анна вышла. Колокольчик над дверью промолчал. Или ей показалось....

Глава 4. Случайности

Утреннее солнце пыталось пробиться через густые тучи Невеля — и не могло. Оно не взошло, а скорее просочилось: серое, разбавленное, как молоко, в которое добавили слишком много воды. Свет не падал на город — он висел над ним, бессильный, больной, и тут же увязал в тумане, который никуда не ушёл, а просто стал прозрачнее. Тоньше. Но не слабее. Анна вышла из лавки Морока с ещё большими вопросами, чем те, что привели её сюда до рассвета. Дверь за спиной закрылась — без скрипа, без вскрика колокольчика, будто лавка не хотела привлекать к себе внимание в этот час. Или будто она отпускала Анну неохотно. Или будто знала: она вернётся. Воздух снаружи был другим — не таким, как внутри. Там, в лавке, он был густым от воска, старой бумаги и горького миндаля. Здесь, на улице, он был густым от другого: от мокрого камня, от дыхания просыпающегося города, от запаха угля и кислого теста из пекарен, от сырой шерсти и конского навоза, от ржавчины водосточных труб и йода, который ветер приносил с болот. Невель дышал — и дыхание это было тяжёлым, влажным, как у человека, который спит с открытым ртом и видит кошмары. Анна шла по мостовой, которая растекалась, как река из человеческих нужд: потоки прохожих текли в разные сто-

роны, сливались, разделялись, обтекали препятствия. Лавки открывали ставни. Торговцы раскладывали товар. Мальчишки-газетчики выкрикивали заголовки — слова тонули в общем гуле, и только обрывки долетали до ушей: «...снова смерть во сне...», «...следователи разводят...», «...толковательница...». Город жил своей жизнью — и жизнь эта была равнодушна к Анне. Она шла сквозь толпу, и толпа обтекала её, как вода обтекает камень. Никто не смотрел. Никто не узнавал. Она была чужой здесь, хотя жила в этом городе всю жизнь. Мысли текли медленно, вязко, как и всё этим утром. «Маски не выбирают без причины. Морок сказал — они выбирают за характер. За сущность. За то, что спрятано глубже памяти... Значит, если знать, какую маску носит человек, можно понять, кто он. Что им движет. Что он скрывает. А если знать, кто ищет маску определённого типа — можно вычислить носителя до того, как он...» Толпа качнулась. Удар — короткий, резкий, плечом в плечо. Дыхание сбилось. Анна пошатнулась. Мокрый булыжник ушёл из-под каблука. На секунду мир превратился в мешанину серых лиц, чужих локтей и запаха мокрой шерсти. Кто-то задел её — скользяще, не грубо, но неожиданно, как задевают в тесноте. Анна выпрямилась, одёрнула плащ. И краем глаза поймала что-то на мостовой. Газета. Промокшая, прилипшая к булыжнику, с отпечатком чьего-то каблука. Но заголовок читался. «Толковательница снов — избавит от кошмаров. Приём ежедневно. Нижний ярус, улица Свечная». Анна наклонилась. Подняла

газету. Бумага была мокрой, почти расплзлась в пальцах. Чернила поплыли, но адрес сохранился. — Вот оно, — прошептала она. — Может, тут про сны что-то... Она не договорила. Просто стояла посреди текущей толпы, держа в руках мокрый обрывок газеты, и чувствовала, как что-то внутри неё — не мысль, не чувство, а скорее инстинкт — оживает. Где-то над крышами солнце сделало ещё одну попытку пробиться — и снова проиграло. Тучи сомкнулись. Утро осталось серым. Анна сунула газету в карман плаща и пошла дальше. Теперь она знала, куда идти. Анна в своих мыслях перебирала всё, что сказал ей лавочник — каждое слово, каждую паузу, каждый взгляд из-под треснутой линзы. Слова Морока не отпускали. Они застряли в ней, как косточка в горле — не проглотить, не выплюнуть. «Чёртов лавочник. Его слова подобны туману. Вроде бы что-то говорит — но не ясно что. Один ответ рождает ещё три вопроса, а ответов так и нет. Он сказал: маски не выбирают глупцов. Он сказал: я знал, что вы придёте. Он сказал: плата — сны. Но зачем? Почему? И кто... какого чёрта он вспомнил моего отца? Откуда он знает, что я его дочь?» Она споткнулась мыслью о вчерашнего гостя. Того, кто вошёл в лавку под конец разговора. Аристократ. Монокль. Трость с серебряным набалдашником. Запах дорогого табака и сандала. «Дорогой друг, снова мы встречаемся. Спустя столько лет. Значит, он не первый раз у Морока. Значит, он — постоянный гость. Вернул маску? Или взял новую? Почему всё внимание лавочника мгно-

венно переключилось на него? Кто он такой, что Морок забыл обо мне за секунду?» Анна не заметила, как прошла пару улиц. Ноги несли её сами, пока мысли кружили, как вороньё над падалью. Она очнулась только у перекрёстка — здесь было тише, толпа поредела, и в воздухе появился запах конского пота и сена. «Я не заметила, как дошла так далеко. Так можно и свернуть куда не туда. Совсем потерялась в себе. Заблудилась посреди собственного города. А если бы это был не перекрёсток? А если бы это был тупик?» Она осмотрелась. Улица была незнакомой — не чужой, но и не своей. Дома казались выше, чем нужно. Окна — темнее. Анна заставила себя вдохнуть и выдохнуть. Перекрёсток. Извозчик. Она подняла руку. Карета — тёмная, лакированная, с гербом какой-то незнакомой семьи на дверце — остановилась у края мостовой. Извозчик, пожилой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, кивнул ей. — Куда прикажете, госпожа? Анна назвала адрес. Извозчик помедлил — адрес был не из тех, что часто слышишь от случайных прохожих, — но промолчал. Она забралась внутрь, и карета тронулась. Внутри пахло старой кожей, пылью и чужими духами. Сиденье было жёстким, но удобным. Анна откинулась на спинку и смотрела, как за окном проплывает Невель. Дома сменялись домами — высокие, тёмные, с узкими окнами. Газовые фонари ещё не гасили, хотя день уже вступил в свои права — но свет их был бледным, ненужным, как свеча при солнце. Колёса стучали по брусчатке — мерно, убаю-

кивающе. Анна закрыла глаза. Не спать. Просто перевести дух. Просто дать мыслям осесть, как мути в стакане воды. Когда она откроет глаза, муť осядет, и станет ясно, что делать дальше. «Домой. Изучить архивы. Документы отца. Там должно быть что-то. Что-то, что я пропустила». Карета свернула на знакомую улицу. Особняк показался из-за поворота — тёмный кирпич, высокие окна, кованая решётка балкона. Дом ждал её. Всегда ждал. Анна вышла, большим пальцем подкинула монету — та взлетела с характерным поющим звоном и легла извозчику прямо в ладонь, — и поднялась на крыльцо. Ключ повернулся в замке с глухим, хорошо смазанным щелчком. Дверь открылась. Анна вошла внутрь и закрыла за собой город. В доме пахло кофе и сушёными травами. Экономка ещё не пришла. В камине догорали угли. Анна скинула плащ, повесила его на крюк у двери и направилась в кабинет. Архивы ждали. Анна подошла к двери отцовского кабинета и остановилась. Пальцы легли на ручку — и замерли. Сердце пропустило удар. Затем ещё один. Не то чтобы она не решалась. Что-то другое. Что-то глубже решения. Тело не хотело этой двери. Сердце забилося чаще — без причины, без угрозы, просто от близости к этой комнате, к этому запаху, к этой тишине за дверью. Она надавила. Ручка поддалась с тихим, хорошо смазанным щелчком — и дверь открылась. Запах ударил в лицо. Табак. Хороший, трубчатый, тёмный — тот, что отец курил по вечерам, сидя у камина с книгой. Херес — сладковатый, с нотами ореха и

сухих грибов, он до сих пор жил в обивке кресел и в дереве стола. Пыль старых книг — сухая, едкая, она забивалась в ноздри и оседала на языке. И ещё кое-что — едва уловимое, спрятанное под всем остальным, как секрет под слоями времени: запах пороха. Тонкий, как нить. Отец хранил револьвер в ящике стола. Она знала это. Знала, но никогда не видела. Анна постояла в проходе. Свет из коридора падал на пол кабинета жёлтым прямоугольником, и в этом прямоугольнике кружилась пыль — медленно, лениво, как снег, который забыл, что должен падать вниз. За пределами света комната тонула в тенях. Шторы были задёрнуты. Отец всегда задёргивал шторы, когда работал. Говорил: свет отвлекает. Говорил: мысли лучше видны в темноте. Она не могла заставить себя войти. Что-то отторгало её — не комната, не память, а что-то третье. Что-то, что жило здесь без отца. Что-то, что заполнило пустоту после его смерти и теперь не хотело уходить. Давление. Оно было почти физическим — как воздух перед грозой, как толща воды над головой. Оно давило на плечи, на грудь, на веки. Оно шептало: закрой дверь. Уходи. Не трогай то, что он оставил. Анна шагнула вперёд. Дверь за спиной осталась открытой. Она прошла к столу — каждое движение давалось с усилием, будто воздух в комнате был гуще, чем снаружи. Села в кресло. Кресло отца. Кожа была холодной и потрескавшейся, но приняла её вес знакомо, как принимают старого друга. На столе лежали папки. Документы. Отрывки газет. Почерк отца — угловатый, быстрый,

с наклоном влево. Анна провела по нему пальцами, не читая. Просто касаясь. Просто чувствуя.— Отец, — прошептала она. — Что ты искал?Шёпот упал в тишину и исчез. Никто не ответил. Только пыль продолжала кружиться в луче света.— Что ты знал и ничего мне не рассказал?Тишина. Давление. Темнота.В проходе появилась экономка. Она встала на пороге — простая женщина с усталым лицом и натруженными руками — и смотрела на Анну с тем особым выражением, какое бывает у тех, кто знает семью слишком давно.— Госпожа Остерман...Анна не слышала. Она была не здесь. Она была в бумагах, в запахах, в тенях.— Госпожа Остерман, — повторила экономка громче.Анна подняла голову. Взгляд её был отсутствующим, но медленно сфокусировался.— Вы сейчас напоминаете барона, — сказала экономка тихо. — Он так же постоянно что-то искал.По спине Анны побежал холодок — острый, как лезвие, от затылка вниз, до самого крестца. Она замерла, не показывая вида, но внутри всё сжалось.— Сидел вот так же, перебирал бумаги, бормотал. Часами.Анна посмотрела на неё. Потом на бумаги. Потом снова на экономку. Тело начало обмякать от всепоглощающего ужаса, но она не показывала вида. Ни единым мускулом.— И нашёл, — сказала она. — Принеси мне хорошую чашечку кофе. В моей кружке, ты знаешь. И на сегодня можешь быть свободна.Экономка не двинулась. Она мяла край фартука — старая привычка, которую Анна помнила с детства.— Я переживаю за вас, — сказала она. —

Вы в последнее время как одержимая себя ведёте. Не спите. Не едите. Пропадаете где-то по ночам. Госпожа... Анна... что с вами? Анна вздохнула. Вздох получился долгим, тяжёлым, как будто она выдыхала не воздух, а что-то другое. Что-то, что копилось в ней днями. Неделями. Месяцами.— Ох, Марта, — сказала она, и голос её на мгновение стал мягче, человечнее, теплее. — Всё, что оставил отец после себя... этот дом, пропитанный его запахом... титул и кучу тайн, покрытых мраком и кровью. Она подняла взгляд, и в глазах её блеснуло что-то тёмное, что-то, чего Марта не видела раньше.— Ступай. Марта постояла ещё секунду. Потом кивнула — медленно, неохотно, — и вышла. Её шаги стихли в конце коридора. Анна осталась одна. Тишина сомкнулась. Давление вернулось. Но теперь оно было не врагом — оно было союзником. Оно подгоняло. Оно требовало. Анна открыла первую папку. Внутри лежал один лист — не дневник, не письмо, а просто записка, сложенная пополам, без даты, без обращения. Почерк отца. Спокойный. Почти равнодушный. Так пишут не в страхе — так пишут, когда решение уже принято. «Я нашёл то, что искал. Я отнёс их туда, где никто никогда не найдёт. Только я знаю всю правду». Анна перевернула страницу. На обороте — всего одна строка. Но буквы были другими. Медленнее. Тяжелее. Будто он писал это позже. Или другим пером. Или другой рукой. «Но всё же одна маска сможет их найти. Надеюсь, её никто не получит из них». Она опустила лист на стол. В кабинете было тихо. Только

тиканье часов — и где-то далеко, в глубине дома, шаги Марты, которая собиралась уходить. Анна смотрела на строчку и чувствовала, как холод медленно, неотвратно ползёт от затылка вниз по позвоночнику. Отец спрятал правду. Но он знал: есть маска, которая может её найти. И он надеялся, что эта маска не достанется им. Кому — им? И что это за маска? Ответа не было — только тишина, только пыль в луче света, только давление, которое стало чуть сильнее. Тьма за окном сгустилась, будто город затаил дыхание. Воздух стал плотнее, тяжелее — он давил на плечи, на грудь, на виски. Часы тикали громче, чем следовало, и каждый их удар отдавался где-то в костях. Анна сидела неподвижно, и тени в углах кабинета медленно подползали ближе, стирая границы между реальностью и тем, что осталось за дверью. Тишина звенела. Давление росло. Где-то глубоко в доме скрипнула половица — сама по себе, без причины, — и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.